

Юлия Арчи

Когда цветут
орхидеи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Арчи

Когда цветут орхидеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44009180

SelfPub; 2022

Аннотация

Любовь может изменить твою жизнь даже тогда, когда ты этого совсем не ждешь...

Судьба была не особо добра с мисс Ханной Робишо: она рано потеряла мать, отца и брата. Потеряла память и надежду, но случайная встреча с молодым герцогом Амбертоном изменила для нее все. Она вновь вернулась в свет, словно феникс, восстав из пепла. Теперь у нее есть дом, семья, друзья и любящий мужчина, но сможет ли она сохранить все это?

Кто-то из ее прошлого не очень рад такому повороту событий, а кто-то из ее новых друзей выбрал ее в качестве следующей жертвы в своей кровавой игре...

Содержит нецензурную брань.

Юлия Арчи

Когда цветут орхидеи

Пролог

Грейфпарк, Девоншир 1829 год

Он гнал своего коня всю ночь без передышки, не обращая внимания на проливной дождь, что хлестал в лицо. Посыльный застал его в дороге, и он не медля помчался обратно в поместье. Жена рожала раньше срока. И мысль о том, что может случиться ужасное, молотком стучала в его голове.

Когда Патрик Грейфсон ворвался в дом, его встретила встревоженная экономка и приглушенный женский крик с верхнего этажа.

– Как она?

– Доктор и повитуха еще у нее. Мы пока ничего не знаем, ваша светлость.

– Хорошо. Я переоденусь и пойду к ней.

– Ваш брат...

– Что с ним? – он в раздражении сморщился, замерев на середине лестницы, дом озарил очередной крик.

– Отец парнишки из деревни приходил. Грозится пойти к судье.

– Черт возьми, миссис Маркс! Рожает моя жена, это может

подождать?! – Патрик редко кричал на слуг, и тот час же пожалел о своей несдержанности, но все его мысли сейчас были наверху с женой.

– Конечно! Я просто хотела вас предупредить.

– Простите меня. Сначала я хочу убедиться, что с ее светлостью все в порядке. Затем я займусь братом.

Слуга быстро приготовил ему сухую одежду и когда он вышел в коридор его встретил улыбающийся дворецкий.

– Ваша светлость, герцогиня родила! У вас сын!

– Как они?

– Все хорошо. Ребёнок в порядке, кормилица уже у него. Ее светлость чувствует себя хорошо. Доктор еще не уходил.

Герцог широкими шагами преодолел расстояние разделяющие их комнаты и тихонько вошел в дверь. Прислуга уже перестелила постель и теперь его жена лежала на белоснежных простынях, пока повитуха массировала ей живот.

Мимо него протиснулась служанка со свертком в руках.

– Простите, мадам, я принесла льда, как вы просили, – она протянула полотняный мешочек повитухе. Та быстро обмотала его куском чистой ткани и положила на живот герцогини. Доктор при этом недовольно сморщился.

– Я бы не советовал применять лед. Ее светлость может простудиться.

– Доктор Вейзак, я работаю повитухой уже двадцать пять лет. И не потеряла за это время ни одной пациентки, чего не скажешь о мужчинах докторам. Лед всегда помогает.

– Вы ругались и спорили, все время пока я рожала, пожа-
луйста, помолчите хоть сейчас, – Селеста заметила мужа. –
Патрик! Ты приехал.

Герцог осторожно приблизился к кровати. Его жена вы-
глядела измотанной и усталой, но судя по счастливой улыб-
ке и бодрому голосу, чувствовала она себя хорошо. Он опу-
стился на колени рядом с ней.

– Как я мог это пропустить? – его губы нежно прикосну-
лись к ее ладони. – Неделю назад мы праздновали первый
день рождения Калеба, и вот ты снова принесла праздник в
наш дом, подарив мне второго сына. Спасибо, любимая.

Женщина смахнула не прошеные слезы.

– Да, наш малыш слегка поторопился, хотя доктор Вейзак
считает, что мы могли ошибиться со сроком. Он такой кре-
пыш, наш маленький Кевин!

– Кевин? Так ты, наконец, выбрала имя?

– Да. Теперь в твоей детской двое чудесных малышек и я
намерена на время остановиться с деторождением, иначе я
так и останусь огромной, как бочка!

– Все равно ты будешь самой красивой женщиной в мире!

– Лстец! Иди, познакомься с сыном, я хочу немножко
поспать. Десять часов схваток вымотают кого угодно!

Патрик зашёл в детскую. Кормилица только перепелена-
ла малыша и уложила в колыбельку. Мужчина склонился
над кроваткой. Среди белоснежных одеяний выделялась ма-
ленькая черноволосая головка. Личико пока было красным

и припухлым, но герцог знал, через пару часов это пройдет. Ребёнок сладко спал, чуть приоткрыв ротик.

Патрик постоял рядом с ним еще немного, после чего заглянул в комнату старшего сына. Тот спал у няни на руках, засунув большой пальчик в рот, и казался очень взрослым в сравнении с новорождённым.

Убедившись, что за детьми надежно присматривают, герцог спустился вниз. Оставалось решить еще одно дело.

Его родной брат-близнец Питер Грейфсон всю свою жизнь рос и воспитывался в их поместье на севере Ирландии. Родители заметили у него некоторые необычные наклонности еще в раннем детстве и предпочли его изолировать, как от общества, так и от родного брата. Там он рос в достатке и всепрощении в семье родной тетки, в которой его баловали, опекали, потворствовали его капризам, и его это устраивало. Но после смерти тети, хозяином поместья стал ее старший сын, который был не особо рад присутствию кузена, и Питер решил навестить брата в Англии.

Патрик не сильно обрадовался такому гостю, но отказать родному брату не мог.

И уже не раз об этом пожалел. Собственно по этой причине он и покинул Грейфпарк два дня назад. Питер оказался вовсе не тем человеком, каким его представлял брат. Распущенный, вульгарный, озлобленный. Он был как одна капля похож на Патрика, но разгульный образ жизни и алкоголь уже оставили на нем свой отпечаток, так что он выглядел

старше своих лет.

Первый случай, который насторожил герцога, произошел в вечер приезда брата, тот напал на одну из горничных. Патрик как мог доходчиво объяснил, что в его доме такое поведение недопустимо и брат клялся, что это не повторится. Но это повторилось. С девушкой из деревни, затем с паренком. И если первой удалось сбежать, юноше повезло не так сильно. К тому же Патрик испытывал тихий страх, что этот человек находится под одной крышей с его женой и детьми, ведь у того периодически был такой взгляд, полный ненависти и зависти.

Терпеть такое и дальше Патрик не собирался. Он договорился с капитаном корабля, что его брата возьмут на борт до Америки. Он даст ему достаточное содержание, чтобы тот ни в чем не нуждался, но оставлять его в Англии нельзя.

Герцог нашел своего брата в библиотеке. Тот развалился на низенькой кушетке, попивая виски прямо из горла хрустального графина.

– А, братец! Мои поздравления с очередным наследником! – он отсалютовал Патрику графином. – Хотя я ждал как минимум двойню, у твоей жены живот был как у беременной коровы! – Питер засмеялся своей шутки.

– Захлопни рот. Ты говоришь о моей жене!

– Прости, ради бога! Я уже отмечаю и видимо перебрал.

Патрик сел в свое любимое кресло за письменным столом.

– Приходил отец паренка...

– Ой, да брось! Мне просто стало скучно. Ты сам не пускаешь меня в Лондон, где бы я мог найти себе развлечения по вкусу. Он сам этого хотел, а теперь выставляет себя жертвой, потому что хочет денег. Ты не должен идти им на уступки...

Патрик, что есть силы, стукнул кулаком по столу. Его обуял гнев.

– Уступки?! Черт возьми, ты изнасиловал мальчишку! Ты гребаный содомит! В Англии таких людей вешают. И его отец уже обратился к судье. Даже мое влияние не сможет им помешать бросить тебя в тюрьму!

Лицо Питера побледнело. Он даже встал с кушетки, оставив спиртное на полу.

– Но ты ведь им не позволишь?

– Не позволю. Ты уезжаешь в Америку. Я обо всем договорился, капитан корабля Святая Елена будет ждать тебя у причала в городке к югу отсюда. Сейчас ты должен собрать свои вещи, мы уезжаем немедленно, пока судья не явился за тобой с ордером.

– В Америку?! Не хочу я в Америку! Что я там буду делать? Просто заплати им, и они отстанут!

– Не за все в этой жизни можно заплатить золотом!

– За все, главное чтобы его было много. Если бы я родился на час раньше, титул был бы моим! И все те деньги, что ты так ловко прибрал к своим рукам, тоже были бы моими!

– Но родился я. И, Питер, это не обсуждается. У тебя два выхода, либо на виселицу, либо через океан!

Питер лишь злобно сощурил глаза, когда он вышел, герцог в очередной раз с облегчением подумал о скором расставании с братом.

Патрик велел запрячь свой экипаж, снова собираясь в дорогу. Его брат довольно быстро уступил и уже грузил свои вещи.

– В конце, концов, и в Америке есть приличное общество, прости, что вспылил, я понимаю, братец, что ты заботишься обо мне.

Перед отъездом герцог еще раз заглянул в детскую, оба сына крепко спали. Он поцеловал обоих, ощущая в сердце какую-то щемящую тоску, словно прощается с ними навсегда.

Селеста не спала, когда он зашел к ней.

– Если так нужно, конечно ты должен ехать. Я и дети будем в полном порядке. Ты должен помочь брату. Я понимаю, что он поступает дурно, но все же он твоя семья, нельзя допустить, чтобы его повесили.

Патрик поцеловал ее.

– Ты сама доброта! Я тебя люблю.

– И я тебя!

Когда он вышел из комнаты давящее чувство в груди усилилось. Предчувствие подсказывало ему остаться дома, но он откинул все сомнения.

Питер выглядел на удивление довольным. И весь путь до порта улыбался и насвистывал ирландские песенки.

Патрик же был погружен в свои мрачные мысли.

Они прибыли на место, когда была глубокая ночь. Спрыгивая на землю, герцог полной грудью вдохнул солоноватый воздух. Потом он кинул взгляд на кучера и удивился, заметив постороннего человека. Его обычный возница отсутствовал.

– Что ж, братец. Нам пора прощаться.

– Мой капитан еще не прибыл...

– Ничего. Мой уже здесь, – Патрик не слышал, как сзади подошел мужчина, и он отреагировал слишком поздно, когда тяжелое бревно опустилось на его затылок, уволаскивая сознание в черноту.

– Сильно ты его! – Питер носком сапога потыкал брата в грудь. – Хорошо. Снимите с герцога пиджак, шейный платок и все перстни. Меня должны принять за него!

Он протянул увесистый мешочек золота мужчине, который появился из тени портовых построек.

– И помните, я рассчитываю больше никогда не видеть брата! И можете быть с ним не очень вежливы.

Селеста Грейфсон резко села на кровати. Комнату заливали яркие солнечные лучи, но ей снился кошмар, в котором были лишь холод и мрак. Она собиралась встать с кровати, чтобы навестить детей, но вдруг, дверь, соединяющая ее комнату с покоем мужа, открылась, и он вошел к ней в ночном халате. Под его изумрудными глазами пролегли темные круги, а в руках он нес поднос с кружкой, от которой

исходил легкий пар.

– Куда это ты собралась, любимая?

– Ты вернулся! – она снова легла в постель, стараясь прогнать остатки сна. – Мне приснился кошмар.

Муж поставил поднос на столик у ее кровати, а сам протянул ей горячую кружку.

– Боже! Это что горячий шоколад?! Как ты узнал, что я о нем мечтала?

– Разве ты не начинаешь с него каждое утро? Я специально перехватил миссис Маркс, когда она шла к тебе.

Муж выглядел изможденным. Казалось, что за эту ночь на его лице появились морщины, которых раньше никогда не было. Селеста была готова поклясться, что он еще никогда так не был похож на своего брата-близнеца.

– Как все прошло?

– Лучше, чем я думал. Нам больше не нужно беспокоиться о Питере Грейфсоне, впредь он для нас просто не существует. Есть только ты, я и наши мальчики.

– Ох, Патрик... – Селеста почувствовала странный укол внизу живота. Она чуть не уронила кружку с недопитым шоколадом на постель, но муж вовремя успел ее подхватить. – Милый, со мной что-то не так.

Он встревоженно вскочил на ноги и побледнел.

Селеста откинула одеяло в сторону. Подол ее рубашки и простыни были пропитаны кровью.

– Что это?!

– Я не знаю... Так не должно...

Патрик уже подбежал к двери в коридор.

– Срочно пошлите за доктором! И за повитухой! Немедленно!

Он снова вернулся к постели. Женщина быстро теряла силы.

– Патрик, мне кажется, я умираю... Мне холодно, я ног не чувствую...

– Да. Я знаю. Мне очень жаль, – в его глазах мелькнул торжественный огонек. – Я не хотел так с тобой поступать, но только ты можешь раскрыть правду.

– Ты?! – Селеста попыталась встать, но тело ее не слушалось. Она пыталась говорить, но изо рта не вырывалось ни слова. Прежде чем, сознание ее покинуло, женщина успела увидеть, как брат-близнец ее мужа выплеснул остатки горячего напитка в камин.

Лондон 1845 год

Цирк месье Савари,

Линд не уверенно перешагнул порог цыганского шатра. Все его нервы были напряжены до предела, а ладони вспотели, так, что юноша незаметно вытер их о брюки. Внутри сидела молодая женщина, не старше, чем он сам. И она была очень некрасива. Точнее черты ее лица были какими-то гру-

быми, почти мужскими, а вот глаза, напротив, притягивали взгляд, затягивая в свою глубокую фиалковую пучину. Он посмотрел в эти глаза прямо в упор, и понял, в записке она не соврала. Она знает, кто он такой, знает, что он сделал, и что еще собирается сделать.

Женщина невольно дернулась и подалась назад, когда Линд приблизился. Но при этом смело продолжала смотреть в его глаза.

– Как ты узнала кто я?

– Убийцу всегда выдают глаза.

– В самом деле? – он старался, чтобы его юный голос звучал как можно старше.

– Глаза – это зеркало души. А у тебя нет души, поэтому и глаза твои пусты.

– Ты очень глупа, раз говоришь мне такие вещи.

– Я говорю только то, что показывает мне мой дар.

– Я не верю в эту чушь.

Женщина хитро улыбнулась.

– Вчера я видела, как ты увел девчонку после представления. И видела, что ты с ней сделал.

– Ты ничего не докажешь.

– Тогда зачем ты пришел? – она поднялась на ноги, и оказалось, что она примерно одного с ним роста. У нее была очень красивая фигура, длинные ноги, тонкая талия, и сценический костюм, лишь подчеркивал ее привлекательность. Первое впечатление о том, что она не красива прошло. Те-

перь она казалась очень соблазнительной.

– Я здесь, чтобы убить тебя.

– Если ты меня убьешь, я не смогу тебе помочь.

Он рассмеялся.

– Помочь?! Чем ты можешь мне помочь, если ты не можешь помочь даже себе? – Линд невольно поморщился, оглядывая убогое жилище цыганки. Его дорогое пальто выделялось среди нищеты и грязи, словно кусок золота среди глины. – Чем мне может быть полезна та, кто прозябает в вонючем цирке?

– Если бы я не была здесь, мы бы не встретились. Идем. Я кое-что тебе покажу, и ты сам тогда решишь, нужна я тебе или нет, – она повернулась к нему спиной и пошла в дальний угол шатра.

Юноша колебался лишь секунду и двинулся следом. Женщина отодвинула тряпичную штору, и вышла в спрятанную за ней дверь в ночную прохладу.

– Если ты готовишь мне западню, я убью тебя раньше, чем, ты успеешь пискнуть.

– Не спеши бросаться угрозами, я хочу, чтобы ты все увидел сам.

Они шли молча по пустынному, поросшему жесткой травой полю, в сторону Темзы. Полная луна тяжело нависала над городом, тускло освещая водную гладь и постройки из темно-серого камня, покрытые мхом.

Наконец Земфира остановилась у заброшенного сарая у

самой реки. Из кармана на широкой юбке она достала ключ, и отперла тяжелую деревянную дверь. Ржавые петли громко скрипнули, когда дверь отварилась, изнутри пахнуло плесенью. И страхом.

Линд бы не с чем не перепутал этот сладкий запах, который словно тягучая патока заполнил нос и рот. Женщина вошла внутрь, приглашая его следом. И он зашел во тьму, предвкушая развлечение. И не ошибся.

В дальней комнате, пристегнутые цепями к крюку в полу, сидели две молодые девушки. Их рты были заткнуты тряпками, волосы спутались, а на лицах был написан страх. При их появлении обе зашевелились, пытаясь мычать сквозь кляпы, и тянули к ним закованные руки.

– Что это? – он посмотрел на свою спутницу лишь на секунду. Его глаза неудержимо притягивали две хорошенькие девушки в цепях. Он уже почувствовал легкое возбуждение, воображая то, что с ними сделает. Особенно с рыженькой. Хотя и блондинка была невероятно хороша.

– Мой тебе подарок. Юные девушки из провинции сами идут к гадалке, чтобы узнать свою судьбу, узнать смогут ли, они прославится, найдут ли любовь, богатство. Наивные глупышки. И таких очень много. Тех, кого никто и никогда не станет искать. И я буду приводить их к тебе.

– Как тебя зовут? Только без этих пошлых цыганских шуточек. Назови свое настоящее имя.

– Мари, – даже в темноте было видно, как алеют ее блед-

ные впалые щеки, и блестят глаза.

– Мне нравится твой подарок, Мари. Ты станешь называть меня мистер Линд. Если ты меня предашь, я тебя выпотрошу и повешу твою тушу на крюке в порту, а теперь иди, – он присел на корточки рядом с девушками и провел костяшками пальцев по щеке блондинки. Девушка вздрогнула, а из ее глаза покатились слеза. – Тише! Не нужно меня бояться. Больно будет совсем недолго. Хотя я не уверен, я не чувствую боль.

Глава 1.

Графство Суррей

Поместье Истон 1857 год

Светские сплетни леди N.

... Дорогие родители девушек на выданье, радуйтесь! В город вернулся самый завидный холостяк Лондона. Почему самый завидный? Да просто нет эсеницы, не мечтающей о молодом, красивом и сказочно богатом герцоге! Если бы леди N была чуть моложе, она бы наверняка составила вам конкуренцию... Но, увы и ах! В любом случае из достоверного источника стало известно, что юноша имеет матримониальные планы. Делайте свои ставки, господа! Ну а дамам пора заказывать новые наряды!

Солнце медленно клонилось к закату, и прозрачное голубое небо постепенно окрашивалось в медовый цвет. Тёплый августовский ветерок принёс с собой запах пряных луговых трав и пару белых, словно туманная дымка облаков. Дождя снова не намечалось. Это радовало Ханну, ведь если пойдёт дождь, ей снова придётся торчать в стенах мрачного, холодного, продуваемого со всех сторон, и пропитанного запахом старости, плесени и ещё бог знает чего, доме её мужа. К слову сказать, муж её был такой же древний, как и его родовой замок. Ханну выдали замуж, едва ей исполнилось шестнадцать, за человека, который был на тридцать лет старше невесты. Спеша заполучить в семью герцогский титул, отец не задумывался ни о счастье своего ребёнка, ни о её желаниях. Герцога Амбертона, к слову, тоже не особо заботила судьба Ханны. После свадьбы он значительно приумножил свой капитал, расширил владения, включив в них ещё два поместья, и оставив молодую супругу в деревне, укатил развлекаться в Лондон. И это было фактически благословение для стеснительной и скромной по природе девушки.

За десять лет брака Ханна видела своего мужа не часто, если считать день их свадьбы и последующую за этим, довольно неприятную, брачную ночь, хотя она помнила их весьма отрывочно, так как по пути в поместье упала с лошади и очень сильно пострадала. Выходить в свет, общаться с соседями и с подругами, бывать где-то за пределами по-

местья, ей строго запрещалось. Она усвоил это после того, как через две недели после свадьбы написала письмо своей бабушке княгине Лопатиной, ведь на свадьбе она так и не присутствовала. Письмо так и не достигло адресата, а в ту ночь герцог преподал ей урок покорности. Он примчался из Лондона и избил девушку так, что она снова слегла в кровать. Больше попыток для общения с внешним миром она не предпринимала. Ни её бабушка, ни отец, также ни разу не написали ей. А, может, и написали, но герцог перехватил и их письма тоже.

Шли годы, а компанию ей составляла кухарка-экономка, да десяток неразговорчивых слуг. Каждый день, когда позволяла погода, она уходила из дома, блуждая по округе, гуляя по лесу, загорая под раскидистыми деревьями, и возвращалась лишь после заката. Потихоньку из молодой леди, она превращалась во взрослую одинокую женщину, мечтающую убежать, если бы только ей хватило на это храбрости.

Сегодняшний день мало чем отличался от предыдущих дней, его она провела в поле, под своим любимым старым дубом, наблюдая за пасущимися коровами и лошадьми. Но пора было возвращаться в дом. Сладко потянувшись, Ханна поднялась с травы, отряхнула сухие веточки от своего застиранного и полинявшего голубого платья, собрала принадлежности для рисования и медленно побрела по склону холма к одиноко возвышающейся чёрной громадине, под названием дом.

О том, что что-то произошло, она поняла ещё на подходе. Возле крыльца стояло два незнакомых экипажа, во всех окнах первого и второго этажа горел свет, а лакей выбежал открыть перед ней дверь.

Отдав ему чемоданчик с красками и плед, девушка подняла бровь в немом вопросе, но молодой человек лишь ошарашено замотал головой и поспешил удалиться.

– Мистер Смит? – пожилой дворецкий появился из дверей библиотеки.

– Миледи, я...

– У нас гости? Приехал его светлость?

– Боюсь, что произошло несчастье, – по морщинистому лицу было сложно что-то понять, а сам дворецкий не спешил с рассказом.

– Ну?

– Приехали полковник Марченсон с супругой, они говорят, что поместье продано им, ещё неделю назад. С ними адвокат, и у них все бумаги на руках.

Тут Ханна потеряла дар речи. Было два варианта, либо она все ещё спит под дубом, либо её дворецкий набрёл на потайной винный погребок и изрядно его опустошил.

– Ничего не понимаю...

– Они сейчас в библиотеке, миледи, я только что подал туда чай и холодные закуски.

– Благодарю.

Жестом, отослав слугу, Ханна нетвердой походкой напра-

вилаась к библиотеке. Мысли роились у нее в голове.

Библиотека была любимым местом девушки в доме, стены оббиты деревом и на них висят олени рога и старинные картины в золоченых рамках, большой камин, украшенный лепниной потолок и кресла оббиты коричневой кожей. Полки от пола до потолка были заставлены книгами на разных языках, а окна занавешивали красные бархатные шторы.

Сейчас, к уже привычной обстановки, прибавились четверо гостей. Три джентльмена и дама. Они прервали беседу, как только Ханна открыла дверь. Мужчины тут же встали.

– Добрый вечер! Я не ожидала гостей, иначе вернулась бы гораздо раньше, – гости не похоронили не слово, мужчины взирали на неё с удивлением и восхищением одновременно.

Первым нашёлся статный мужчина лет тридцати пяти в винно-красном костюме для верховой езды, он сделал пару шагов к Ханне и поклонился.

– Полковник Марченсон к вашим услугам, мисс. С кем имею честь?

Вот это наглость! Явился в мой дом, ещё и спрашивает кто я.

– Герцогиня Амбертон, – девушка не стала протягивать ему руку для поцелуя. – Видимо произошла какая-то ошибка...

– О! Так милый герцог женат?! Я даже не знала! – наконец голос подала дама, оставшаяся сидеть в кресле, картину она представляла собой довольно забавную. Маленькая, щуплая,

ещё хуже самой Ханны, но при этом у неё были довольно круглые щеки и очень полные розовые губы, каштановые волосы завиты в тугие букли, а на красном платье такое количество бантов и рюшей, что ей позавидовала бы баба на русском самоваре. Маленькие чёрные глазки при этом совсем не отражали присутствие интеллекта.

При упоминании словосочетания "милый герцог" Ханну слегка передернуло. А полковник в это время продолжал.

– О! Не может быть никакой ошибки! Всё документы были подписаны ещё месяц назад! Нас заверили, что поместье пустует уже много лет, и мы никак не ожидали столкнуться с трудностями.

– Этот дом, как и земля вокруг являются частью майората наследования. Насколько я знаю, продать их невозможно.

Теперь заговорил тучный мужчина в круглых очках, он уже достал какие-то бумаги из папки и разложил их на столе.

– Простите, ваша светлость, но вы ошибаетесь, мистер Грэхем, адвокат, – одновременно представился он. – Герцог Амбертон оформил сделку по закону, получил плату, и уверил нас, что дом абсолютно пуст. Завтра здесь начнутся работы по сносу здания, прибудет бригада строителей.

– Сносу?

– Да.

– Ничего не понимаю. Почему его светлость не написал мне ни слова?

– Никак не могу знать, миледи, но откладывать нельзя.

Смета прописана, рабочие должны успеть до зимы.

– То есть вы меня гоните из дома посреди ночи? – это было верхом абсурда. Как мог её муж продать дом, в котором она провела последние десять лет жизни. Как мог не сказать ей об этом, да ещё и выставить душой перед этими неприятными людьми. Хотя, скорее всего о ней он и не думал. Когда они виделись в последний раз? Два, три года назад? Тогда он сломал ей руку и четыре ребра, после того как она попросила отвезти её на похороны бабушки. Отогнав это воспоминание, девушка снова прислушалась к речи полковника.

–Если бы мы только знали! Чудовищная ошибка! Но вы поймите, что мы не в состоянии перенести сроки.

Часами, днями, месяцами одиночества она отработывала жесты и голос ГЕРЦОГИНИ, и вот настал миг её славы. Ханна уверено подняла руку, призывая к молчанию, гордо вздернув подбородок.

Полковник подавился своими последними словами.

– Пока что, это мой дом. И я уеду только тогда, когда буду готова это сделать. Герцог видимо забыл, что я решила погостить в этом поместье, поэтому и не уведомил меня заранее о своем решении. А пока, считайте себя моими гостями, – она подошла к двери, и дернул за шнурок. Дворецкий появился почти мгновенно, видимо подслушивал за дверью.

– Мистер Смит, эти господа погостят у нас пару дней, велите приготовить для них комнаты. Ужин накройте в малой столовой, я поем у себя в комнате. – Понизив голос, она про-

должила, – завтра в семь утра я хочу, чтобы вы собрали всех слуг здесь в библиотеке. Также вызовите управляющего мистера Джаилза. Он, наверняка знал о продаже, но даже не заикнулся об этом!

Теперь она повернулась к замершим пришельцам.

– Доброй ночи, господа. Надеюсь, вам здесь понравится.

Очутившись в своей комнате, Ханна плотно закрыла дверь, прижавшись к ней спиной. Её сердце с силой колотилось в груди. Девушку трясла нервная дрожь, а в голове не утихала одна мысль «что делать?» Никогда в её жизни не было ситуации, в которой она сама должна была принимать решение. И её внутреннего стержня хватило только на ту пылкую речь в библиотеке. От стука в дверь она даже подпрыгнула.

– Да?

Вошла горничная, неся поднос с ужином.

– Вы сегодня будете принимать ванну?

– Конечно! – вечерняя ванна была её каждодневным вечерним ритуалом. Практически единственной роскошью герцогини.

– Миледи, скажите, это правда?

– Что именно?

– То, что эти люди теперь будут здесь жить? Снесут дом, а нас всех уволят?

– Выходит что правда, – два лакея занесли ванну, ещё двое принесли горячей воды и наполнили её.

– А что будет с вами? – такой искренний вопрос тронул Ханну.

– Я не знаю.

Лёжа в горячей воде, она только и думала о том, что же будет с ней.

И даже ванна не могла согреть ледяную волну страха, которая распространялась от ее сердца по всему телу. Встреча с герцогом не предвещала ей ничего хорошего.

Глава 2.

Графство Камбрия 1840 год

Гарри Ларсен устало брел на пастбище, подгоняя хвостиной лениводвигающихся овец. Его пастуший пес Снуп, носился в стороне, периодически потягивая на тех животных, которые норовили выбиться из стада. С самого утра у Гарри болела спина и его узловатые ноги ныли, из-за приближающейся грозы. Хотя теперь уже было трудно найти место на теле Гарри, которое бы не ныло, болело или потягивало с самого утра и до позднего вечера. Как-никак, в прошлом месяце мужчина разменял седьмой десяток. Его жена, Кэтрин не раз говорила, что ему пора идти на покой и передать все дела на ферме в руки сыновей и внуков, но Гарри знал, стоит ему осесть дома и он окончательно превратится в развалину. А там и до могилы не далеко.

Наконец они приблизились к выгону, и Гарри открыл деревянную калитку. Его пушистое стадо потянулось внутрь, предвидя вкусный завтрак из сочной травы. Когда Снуп забежал последним, старик закрыл калитку и вразвалочку пошел к своему любимому ясеню, что рос с краю поля. Пока стадо на выпасе, мужчина надеялся немного отдохнуть, может тогда, старые кости станут ныть чуть меньше. Еще издали мужчина заметил, что-то неладное и замедлил шаг. Под деревом уже кто-то сидел, и Снуп замер рядом с пришельцем прижав хвост. Завидя хозяина, собака потрусил к нему, тихо поскуливая.

– Что такое мальчик? Тебя обидел наш гость? – разглядеть того, кто сидел в тени дерева, мужчине уже не позволяло ухудшившееся зрение. Он почесал пса за ухом. – Тише, пойдем, поздороваемся, может, человеку нужна наша помощь.

Снуп ткнулся ему в ладонь влажным холодным носом и медленно побрел следом.

То, что Гарри Ларсен увидел под деревом, он не забудет до конца своей жизни. Девушка в длинной белой рубашке сидела на плоском сером камне, опустив голову так, что ее прямые гладко вычесанные рыжие волосы, закрывали лицо. Ее руки были сложены на коленях в молитвенном жесте, а за спиной торчали маленькие белые крылья, в точности такие, какие изображены у ангела на фреске в их церкви. Волосы и платье девушки слегка трепетали на ветру, создавая впечатление, что она вздрагивает.

«Будто ангел плачет», – пронеслось у Гарри в голове.

– Эй! Девушка, с тобой все в порядке? – но девушка не ответила. – Что ты здесь делаешь в таком виде?

Гарри опустил свою мозолистую руку на ее плечо, и даже сквозь ткань почувствовал ледяной холод. Ветер сдул волосы с лица девушки, и он увидел ее мертвенно-бледное лицо, на котором выделялись широко-распахнутые безжизненные глаза. На лбу тонким лезвием было вырезано четыре буквы ЛИНД, и кровь запеклась по краям этих грубых ран.

Старик понял, что она была мертва, и ему понадобилось лишь мгновение, чтобы припустить, что было сил, по полю в сторону дома судьи, сдерживая готовый сорваться с губ крик.

На сборы и расчёт с прислугой ушло четыре дня. Четыре долгих, утомительных дня в постоянной суете, шуме, глупом хихиканье миссис Марченсон и таких же глупых замечания и намёках, судя по тому, с каким восхищением она говорила о герцоге, её с лёгкостью можно было принять за умалишенную. Полковник и его адвокат вместе с управляющим целыми днями объезжали поместье, раздосадованный неожиданной отсрочкой. А вот ещё один их спутник откровенно пугал Ханну. Младший брат миссис Марченсон, мистер Алан Седвиг. Высокий мужчина, с ярко-рыжими волосами и глу-

пой, плотоядной улыбочкой он, будто бы, подждал Ханну в самых потаенных уголках дома, делая при этом весьма сомнительные комплименты и намёки.

Так что теперь, сидя в карете, медленно катящейся в сторону Лондона, Ханна испытывала приятное облегчение. Оно даже, почти заглушало страх перед будущим.

Глядя на мелькающие за окном деревья девушка думала о предстоящей встрече. Как отреагирует герцог, когда она предстанет перед ним на пороге лондонского дома. Хотя, чего он ожидал, не на улице ведь ей оставаться.

Ханна посмотрела на свое дорожное платье, когда – то темно-зелёная ткань, теперь выцвела и приобрела грязно-зелёный оттенок, на подоле небольшая заплатка, и наряд, конечно же, вышел из моды. Всё её наряды выглядели жалкими обносками по сравнению с нарядами миссис Марченсон, а что будет в столице и подумать страшно.

Но ничего, она справится с любыми трудностями, лишь бы он снова её не избил.

Поездка заняла на удивление мало времени и к вечеру карета заехала в Лондон. Улицы, освещенные высокими фонарями, были запружены экипажами разных видов, богатые и скромные, новые и не очень. Они петляли по узким улочкам, пропитанным запахом затхлой воды, мазута, конского навоза и канализации. Кучер не повёз её на Брук-стрит, где, как ожидала Ханна, расположен герцогский дом, напротив, они выехали на широкую, хорошо освещенную улицу, по од-

ну сторону которой стояли роскошные новые особняки, хорошо освещенные с фасадов, а по другую был литой забор парка, за которым виднелись темные силуэты вековых деревьев. Её карета, поскрипывая, остановилась возле трехэтажного дома из белого камня с двумя мини фонтанами по обе стороны от подъездной дорожки. Вода в них задорно урчала, переливаясь в свете фонарей. Судя по доносящейся из дома музыке, там принимали гостей.

Когда кучер открыл перед ней двери кареты, Ханна осталась сидеть на месте, словно приросла к сидению.

– Ты уверен, что этот тот дом?

– О да, миледи, на почтамте выразились предельно точно.

Это дом герцога Амбертона.

Снова неловкая заминка.

– Судя по всему, там сейчас праздник, будет невежливо зайти, лучше приедем завтра, а сейчас поедem в гостиницу.

– Но, миледи, у нас нет денег даже на самый захудалый постоялый двор, – горничная Лиззи решила поехать с ней, чем вызвала небывалый восторг у Ханны и легкое неудовольствие у своих родителей.

– И что мне делать? – девушка переводила беспомощный взгляд с кучера на горничную и обратно.

– Думаю, Вам придется войти в дом, – Лиззи выбралась из кареты первая и не терпеливым жестом позвала хозяйку.

Ну что ж, делать нечего нужно идти. Осторожно выбравшись из потрепанного экипажа девушка, как могла, попра-

вила платье и осмотрелась. Дом был поистине великолепен. Светлый камень выгодно оттенялся тёмной крышей, а множество ростовых окон наполняли его воздухом и светом. Одним словом ничего общего с тем старым домом, где Ханна жила последние десять лет.

Страх с ноткой отвращения перед встречей с герцогом не покидал её, и она на ватных ногах двинулась к двери. Поднимаясь по ступенькам, Ханна понимала, что это её последний шанс отступить. Всё бросить, и бежать. Но куда бежать? У неё нет ни денег, ни драгоценностей, чтобы продать, ни друзей, ни родных. Интересно, если бы отец все ещё был жив, он бы принял её? Вряд ли, по словам ее мужа, он никогда не отличался сердечностью.

Её рука машинально поднялась к дверному молотку, и она услышала глухой стук удара металла о металл. Не прошло и минуты, как дверь перед ней открыл дворецкий в темно-зелёной ливрее. Он быстро оглядел девушек, и его тоненькие чёрные усики слегка дернулись.

– Вход для прислуги с другой стороны, – и он уже было собирался закрыть дверь, но Ханна успела сделать пару шагов и уже стояла в прихожей. Вот уже второй раз за эту неделю в неё словно вселился демон уверенности.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны, запускать слуг с черного хода, но я не служанка. Мне нужно видеть герцога Амбертона. Он дома?

Дворецкий словно шомпол проглотил, стоя совсем прямо

как доска и не зная, что сказать от такой наглости. По тому, как он выпятил грудь и надул усы, было понятно, что он принял посетительницу за женщину легкого поведения. Мужчина уже поднял руку, чтобы прогнать незваных гостей, но тут его глаза метнулись к карете и он увидел, пусть и потрепанный, но все же фамильный герб хозяина, после чего, его удивлённые глаза снова переметнулись к гостье.

– У его светлости сейчас гости, я не уверен, что он сможет вас принять, – голос мужчины стал более вежливым.

– О! Я подожду! – жестом поманив Лиззи следовать за ней, Ханна прошла вглубь прихожей и присела на краешек мягкой бежевой скамьи, стоящей как раз под главной лестницей.

– Но вы не можете ждать здесь! – мужчина совсем растерялся. – Пожалуйста, пойдёмте со мной.

Дворецкий поманил ее за собой, и Ханна ускорила шаг, чтобы поспевать за ним. В этот момент одна из дверей в левом крыле дома открылась, и оттуда вышел мужчина, он появился так внезапно, что Ханна случайно налетела на него.

– Ох! Простите меня.

– Ну что вы, это я должен извиниться, мисс.

Ханна еще раз одарила его извиняющейся улыбкой и последовала за дворецким, не заметив восхищения в глазах незнакомца.

Дворецкий проводил девушку в небольшую комнату на первом этаже, отделанную в синих тонах, хотя главный фон, как и в прихожей здесь составлял белый цвет.

– Как вас представить его светлости?

– Хмммм... Думаю, если вы скажете, что приехала его жена он все поймёт. – Если до этого момента дворецкий был весьма удивлён, то теперь, его чёрные брови взметнулись так высоко, что фактически доставали чёрных, зачесанных назад волос. Но, он ничего не сказал, бесшумно закрыв за собой дверь. Сердце Ханны безумно колотилось в груди, и чтобы как-то успокоиться, она стала блуждать по гостиной, разглядывая мебель. Всё было подобрано с небывалым вкусом. Девушка насчитала как минимум десять оттенков синего и голубого в окружающей обстановке. Вся мебель была новой и, несомненно, дорогой, судя по всему, себя герцог не стеснял в средствах. Над камином висела картина, которая показалась девушке очень знакомой. Она подошла ближе. Это был океан, бушующий в шторм. Волны вздымались из пучины и разлетелись тысячами брызг. Автор невероятно умело передал и цвета и атмосферу. Девушка определённо уже видела её, но где... И главное когда... Её рука непроизвольно потянулась к полотну, когда она услышала лёгкое покашливание за спиной. Внутренне сжавшись, она медленно обернулась к двери.

Но её опасения не оправдались. Перед ней стоял вовсе не герцог. Молодой мужчина, на пару лет старше, чем она сама, был весьма привлекателен. Высокий, на целую голову выше Ханны, хотя она была довольно рослой девушкой, стройный, но под темно-синим, идеально скроенном фраке, выделя-

лись бугристые мышцы плеч и рук. Ворот белой рубашки резко контрастировал с загорелой кожей шеи и лица. Очень привлекательного лица, к слову. У мужчины были красиво очерченные скулы и подбородок, прямой нос, зелёные глаза в опушке густых чёрных ресниц. Эти глаза Ханне показались очень знакомыми, волосы были темно-каштанового цвета и слегка завивались, спускаясь на шею.

Пока что он не произнёс ни слова, так же внимательно рассматривая её. Зелёные глаза, кажется, осмотрели каждый сантиметр её тела, от чего щеки Ханны загорелись румянцем.

Наконец мужчина прошёл дальше в комнату, молча взял два бокала и, налив в них жидкости янтарного цвета, это был коньяк или виски, протянул один из них девушке.

Её пальцы машинально сомкнулись на прохладной хрустальной поверхности.

– Ну? – вопрос был произнесен глубоким бархатным голосом.

– Что ну? – Ханна была так поражена его красотой и мужской привлекательностью, что не сразу сообразила, что говорит.

– Кто вы, черт возьми, такая?

– Герцогиня Амбертон, если вам так угодно. Но насколько я помню, в свете принято, чтобы мужчина представлялся первым. Вас прислал мой муж?

– Дело в том, дорогая, что я и есть герцог Амбертон, и я

не припомню, чтобы я был женат.

Глава 3.

Когда к нему подошел дворецкий, Калев Грейфсон, седьмой герцог Амбертон, как раз добился взаимопонимания с леди Кэллей, вдовой печально известного графа, любителя азартных игр и русской рулетки. Вдовствующая графиня была женщиной очаровательной во всех смыслах, безупречная красавица, умна, остроумна, но... Увы, муж оставил ее без гроша в кармане! И теперь она была вынуждена искать богатого покровителя.

– Рано или поздно, вы разобьете мне сердце, Грей... – женщина отпила шампанского из бокала и бросила на него лукавый взгляд. Глубокий грудной голос ласкал слух, и мужчина почувствовал, как по его телу пробежали приятные мурашки.

– Магдалена, я мечтаю сделать с вами столько всяких вещей, но сердце точно не имеет к ним никакого отношения!

– Вы, мужчины, всегда заботитесь лишь об удовольствии! – она игриво стукнула его веером по руке.

– Да, я люблю удовольствие! Что в этом плохого? – Калев поднес маленькую ручку к своим губам и прикоснулся к ним легким поцелуем. – И, я уверен, что такая чувственная дама, как вы, тоже не может быть против некоторых радостей.

Маленький розовый язычок облизал пухлые губы, и Маг-

далена призывно сверкнула глазами.

– Вы сущий дьявол, Грэй.

Калёб увидел дворецкого, идущего к нему, ловко обходя компании гостей.

– Простите, ваша светлость, – он говорил тихо, чтобы его мог слышать только хозяин. – К вам посетитель. Дама.

– Ох нет! Сегодня я не занимаюсь делами, – после того как он унаследовал титул, его дом стали осаждать толпы отцовских кредиторов и бедных дальних родственников. И всем были нужны деньги, влияние, защита. Но только не сегодня, сегодня он намерен веселиться. – Отошли ее.

– Дело в том, что она представилась как герцогиня Амбертон. На ее карете герб его сиятельства, а её горничная сказала, что они приехали из Суррея. Жили в поместье Истон. Вот я подумал, что вам захочется лично разобраться.

– Забавно. Жены ко мне еще не приходили. Где ты ее оставил?

– В синей гостиной, милорд.

– Дорогая, мне нужно отлучиться по одному неотложному делу, но мы еще вернемся к нашему разговору! – Калёб чуть поклонился леди Кэллейвэй.

– Не задерживайтесь, а то я буду ревновать! – ее тонкие пальцы как бы невзначай провели по кромке глубокого декольте, а в глазах читался призыв.

Уж больно прямолинейно она предлагала себя, и это слегка настораживало.

Незнакомка стояла к нему спиной, и свет от камина освещал ее тонкую фигурку. Старенькое, потертое платье висело на талии. Волосы, вопреки моде, не собраны на затылке и не завиты, а лежат прямой линией на спине. Разобрать их оттенки в свете свечей было трудно, они словно впитали в себя все оттенки пламени. Она не замечала его присутствия, рассматривая картину на стене. Тонкая, изящная рука потянулась к полотну, и тут он решил заявить о своем присутствии.

Мгновенно, словно испуганный зверек она повернулась к двери. Вся сжалась, уставившись на него огромными темно-синими глазами, в полумраке они казались почти черными. Женщина оказалась очень красивой, и в первое мгновение Калёб даже опешил от этого. Она не была похожа на типичную англичанку, с их бледностью кожи и мелкими чертами лица. У нее было милое лицо с высокими скулами, небольшой вздернутый носик, невероятно синие глаза, и очень красивые чувственные губы. Еще она была довольно юна, хотя ей наверняка было больше двадцати лет. После прекрасного лица взгляд падал на старомодное, сильно застиранное платье, которое скромно закрывало всю остальную фигуру.

Глядя на него испуг в ее глазах слегка поутих. Она покорно взяла стакан с виски из его рук, но пить не стала.

– Дело в том, дорогая, что я и есть герцог Амбертон, и я не припомню, чтобы я был женат.

Секунду, другую она стояла молча, а потом разразилась

таким громогласным смехом, что у него зазвенело в ушах. Она хохотала и хохотала, пытаясь утереть слезы, выступившие из глаз.

– Простите, бога ради! – смех не был наполнен весельем, скорее напоминал истерический, и Кaleb уже собирался встряхнуть ее как следует, но девушке удалось взять себя в руки. – Вы не герцог!

– К моему глубочайшему удовольствию, я всё-таки он. Присядьте, дорогая, я чувствую, это будет долгий разговор, – он указал ей на глубокое мягкое кресло, а сам сел, напротив, на диван.

– Вы Патрик Грейфсон?

– Нет. Я Кaleb Грейфсон. Патрик мой отец, который не так давно скончался, и я стал герцогом. Хотя, прошло уже полтора года, никак не привыкну.

Передать одним словом ту гамму чувств, что отразилась на ее лице, было просто невозможно.

– Скончался. И вы стали герцогом, – словно эхо повторила она глухим голосом.

– Милая, мы можем до бесконечности выяснять мою биографию, но я предпочел бы перейти прямо к сути. Кто вы? Определенно не герцогиня Амбертон, ведь моя мачеха сейчас в гостиной с нашими гостями.

Она продолжала молча смотреть на него, или даже сквозь него, вертя в руках стакан с нетронутым напитком.

– Хорошо. Начнем с вашего имени. Как вас зовут?

– Ханна.

– Отлично, Ханна. А дальше?

– Ханна Грейфсон.

– Назовите вашу девичью фамилию.

– Ханна Робишо. Мой отец Себастьян Робишо, виконт Пэйтон. Был виконтом, он погиб, – девушка запнулась, и ее золотистая кожа приобрела какой-то бледный оттенок. – Утонул, когда его яхта попала в шторм.

Вот это уже интересно.

– Робишо?

– Да.

– То есть вы хотите сказать, что вы исчезнувшая наследница виконта Робишо? И княгини Варвары Лопатиной?

– Да, это моя бабушка. Но почему исчезнувшая? Да и наследства никакого не было, отец все проиграл в карты, а бабушка отписала деньги церкви. Я ничего не понимаю, – голос становился все тише и тише, а сама она словно съежилась, пытаясь раствориться, в мебельной обивке.

– Выпейте, – он твердой рукой вырвал у нее бокал и поднес к ее губам. – Ну же, пейте!

Девушка сделала глоток и поперхнулась, когда жидкость обожгла горло.

Кaleb тем временем уже дергал за шнурок для вызова слуги.

Дворецкий бесшумно заглянул в комнату.

– Мистер Дантри, не могли бы вы пригласить мою мать.

И пошлите человека к Карсону. Уже поздно, но дело срочное. И еще, пусть горничная, прибывшая вместе с мисс, тоже зайдет.

Его мачеха величественно вплыла в комнату, как всегда в великолепном платье и с бриллиантами на шее и в ушах, она не уступала в красоте молодым девушкам, хотя ей было уже за сорок.

– Кaleb, что за срочность? Неприлично оставлять гостей! Хотя твоя сестра, несомненно, справляется с ролью хозяйки вечера, – тут она заметила маленькую, съежившуюся фигурку в кресле. – У тебя еще гостья?

– Мама, что вы знаете о семье Робишо? – спросил Грейфсон, не обращая внимания на заданные вопросы.

– Не знаю, зачем тебе, это было так давно! Поистине трагичная история, и скандальная!

– Я бы ее послушал.

– Но, дорогой, не сейчас! У нас полный дом гостей! – она снова обернулась на незнакомку.

– Конечно, мы должны дождаться мистера Карсона, он тоже внесет некоторую ясность. А пока, не могли бы вы приглядеть за Ханной? – он указал на девушку, а сам вышел, чтобы попрощаться с гостями.

– Ханна? Неужели это...

Глава 4.

Филиппа Хопер бежала по лесной тропинке в сторону домика егеря. Они с Робертом договорились встретиться там, через час, но девушка решила прийти пораньше и все подготовить. В плетеной корзинке в ее руке была припасена бутылка красного вина и продукты для пикника, также свечи и чистое белье для кровати. Филиппа долго представляла себе, как должен пройти этот день, так что все должно быть идеально. Девушка глянула на небо, оно было идеально голубым и прозрачным, без единого облачка. Ее пухлые губки осветились улыбкой.

– Идеальный день!

Роберт Фишер был ее женихом, они были помолвлены еще с десяти лет. И, примерно, с этого же возраста любили друг друга. И вот теперь, когда им исполнилось по семнадцать, они решили скрепить свои чувства большим. Тем более, что Роберту предстояло уехать в университет, и влюбленных ожидала долгая разлука.

Филиппа усмехнулась, вспоминая удивленное лицо жениха, когда она озвучила это предложение. Он покраснел и долго смущенно отнекивался, но не в характере Филиппы, было отступать от намеченной цели.

– Ты уедешь учиться. А я поеду в Лондон на сезон. Сколько времени мы будем в разлуке? Я хочу, чтобы эти воспоминания грели мое сердце, когда тебя не будет рядом.

И парень сдался.

Филиппа сделала еще один поворот по лесной тропинке и вышла на широкую поляну, где находился охотничий домик. В конюшне было пусто, девушка специально проверила это перед тем, как зайти в дом. Еще не хватало нарваться на посторонних.

Напевая веселую песенку, девушка отперла дверь и вошла внутрь.

И оказалось, что домик был далеко не пуст.

В кресле у пустого камина, на низенькой софе у окна, на широкой кровати у дальней стены, и даже за деревянным столом в углу, сидели девушки. Все они были одеты в длинные белые рубашки, доходящие до щиколоток так, что были видны босые ноги.

Девушки, казалось, просто присели отдохнуть, но при появлении Филиппы никто не пошевелился. Зрелище они собой представляли просто волшебное. Будто бы Филиппа попала в разгар театрального представления про ангелов. У каждой за спиной были приделаны небольшие белые крылья. Возможно, это был шок, или же природное любопытство мисс Хопер, но она прошла дальше в комнату, оставив корзину с припасами у порога. Она словно загипнотизированная шла к той, что сидела на кровати. На ее лбу алела надпись ЛИНД, сделанная тонким лезвием, и крошечные струйки крови, словно ручейки, стекали по лицу на белую рубашку. Затем, Филиппа обернулась к той, что сидела у камина.

У той девушки были совершенно такие же светлые волосы, как и у самой Филиппы, и у нее не было надписи на лбу. Филиппа потянулась к ней, хотя в душе уже начала осознать, что находится среди мертвецов. Подойдя ближе, она заметила следы крови, проступающие на рубашке, и то, что грудь девушки еще слегка двигается от дыхания.

Филиппа протянула к ней руку, но тут зеленые глаза на бледном лице распахнулись, и незнакомка вцепилась в розовый рукав любимого платья девушки. Ее руки были невероятно цепкими и жутко холодными.

– Помоги...

Но самообладание уже покинуло мисс Хопер. Издав душераздирающий крик, она вырвала свое платье у незнакомки и, роняя встречающуюся на пути мебель, выбежала из охотничьего домика.

Роберт Фишер встретил ее на лесной тропинке, и не мог успокоить до самого поместья, слушая сбивчивый рассказ вперемешку с истеричными криками.

Ханна не понимала что происходит. Звуки извне исчезли, а лица и фигуры как бы слились в единый водоворот. Появлялись какие-то люди, что-то говорили, а она не слышала и не отвечала. Это все сон, дурной сон. Сейчас она проснется в своей постели в маленькой хорошо отапливаемой комнатке

в Истоне. И все будет предельно просто, как и раньше, ничего не делаешь, никуда не лезешь, никуда не ходишь.

Ее взгляд вновь упал на пейзаж над камином. Она видела эту картину, точно видела, но где и когда? Она ассоциировалась у нее с огнем и болью, и еще чем-то очень неприятным.

– Ханна! Послушайте! Посмотрите на меня! – требовательный мужской голос раздался у самого ее уха. – Что с ней? Как привести ее в чувства?

– Не знаю, может дать ей чаю? – это уже говорила женщина.

– Ханна! – две большие теплые ладони легли ей на плечи и слегка встряхнули. Мгновенно все звуки мира вернулись к ней. И не только они, теперь ее охватил жуткий страх. Девушка сжалась в комок, стараясь защитить себя от этих рук. Она закрыла лицо и голову.

– Не нужно, пожалуйста, не бейте меня, я все сделаю! – ее голос прозвучал в абсолютной тишине.

– О господи! – женщина рядом с ней издала протяжный тяжкий стон.

– Ханна, я вас не трону, никто не тронет. Я только хочу, чтобы вы выслушали историю и внесли некоторые пояснения. Вы сможете? – мужчина говорил очень ласково и нежно. Бархатные нотки его баритона заполнили грудь Ханны, словно тягучий золотистый мед, принесся успокоение. Она опустила руки и села прямо.

Рядом с ней сидела красивая взрослая женщина в роскош-

ном платье цвета фиалки, а с другой стороны сидела Лиззи, и она явно чувствовала себя здесь не уютно.

Калев сел напротив них на диван, где уже сидел тучный мужчина с кипой бумаг.

– Итак, мама, я уже просил вас рассказать то, что вы знаете о семье Робишо. Начинайте.

– О! Тогда все семьи Лондона знали что произошло! Жуткая трагедия. Виконт Пэйтон с женой и пятилетним сыном разбились на яхте в шторм и утонули. Сколько горя, сколько слез! Они были замечательными людьми. В живых осталась лишь шестнадцатилетняя дочь виконта, – тут ее взгляд метнулся к Ханне, – от первого брака с Анастасией Лопатиной, дочкой русского князя. Девочка была очень мила собой, чудно пела и рисовала, Калев, клянусь это она и есть! Я сразу не узнала, ведь столько лет прошло!

– Мама, пожалуйста!

– Да, извините. В свет еще не выходила, но твой дядя был дружен с виконтом, и мы часто бывали у них в доме. Вы с Кевином вряд ли помните, вы тогда были в школе. А вот девочки возможно, хоть и были малы... Ах да! Не знаю, что там произошло у виконта с княгиней, но только по завещанию опекунство над его детьми должно было перейти к твоему отцу, они были старинными приятелями. Но дальше разразился еще больший скандал. Девочка сразу после похорон, обчистила банковский счет отца, продала все имущество и сбежала с мальчишкой конюхом. Говорили, что они живут

где-то в Европе, кто-то говорил, что их видели на границе с Россией. Княгиня пыталась найти внучку, да и твой отец приложил ни мало усилий, все же случилось у него под носом.

– Значит, он оказался еще большим чудовищем, чем я думал. Лиззи, – обратился он к горничной. – Вы помните, как и когда мисс появилась в Истоне?

– Милорд, ой, простите, ваша светлость! – горничная залилась краской с головы до ног.

– Просто рассказывайте.

– Да, да, конечно! – и она начала торопливо говорить. – Я тогда еще не работала в поместье. Да, и никто не работал, оно ж пустовало много лет. Но, вдруг, появился управляющий и начал набирать работников из деревни. Моя тетья устроилась туда прачкой, а потом рассказывала нам дома, что там происходит. Приехал сам герцог, а с ним девочка, совсем ребенок, да вся поломанная и избитая, якобы с лошади упала, но это надо было очень плохо упасть, чтобы так пострадать, так тетя говорила. Его милость велел называть ее герцогиней, ухаживать за ней, да следить, чтобы ни с кем не общалась и никуда не сбежала. Но, как тут пообщаешься, когда он каждый раз избивал ее очень сильно, если миледи в деревню ходила, даже при мне такое было. Несколько раз слуги пытались его остановить, а после их уже и не видели больше. Ужасный человек он был! Простите...

– Ничего, Лиззи, спасибо. Может, вы пройдете на кухню,

миссис Дантри с удовольствием накормит вас ужином и проводит в комнату для отдыха?

– О! Конечно, милорд! – девушка, спотыкаясь, вышла из комнаты, бросив на хозяйку одновременно и сочувственный и боязливый взгляд.

– Мистер Карсон, в завещании моего отца говорится что-то об имуществе семьи Робишо?

Адвокат до этого слушавший окружающих с абсолютно непроницаемым лицом слегка оживился.

– Нет, ваша светлость, все, что было изложено в завещании вы знаете сами. Но герцог одно время не пользовался услугами нашей компании, как раз в то время плачевное состояние его дел резко наладилось.

– Калерб, неужели, он был на такое способен?! – его мачеха поняла все без дальнейших объяснений. – Но проверить такое! За спиной у всего света! Измываться над бедной девочкой! И я ничего не знала! – голубые глаза Луизы наполнились слезами.

– Картинка еще не полная, – герцог снова обратился к Ханне. – Вы сможете рассказать, что помните вы?

Ханна, слушая рассказ герцогини, а позже и Лиззи, испытывала двоякое чувство нереальности, и в то же время действительности происходящего. Она знала все это, но словно забыла. Будто бы это происходило и не с ней вовсе, а с героиней романа, который она читала.

Калерб ожидающе смотрел на нее, и его зеленые глаза были

точной копией глаз Патрика Грейфсона. За одним весомым исключением, в них не было холодной жестокости, злобы, презрения.

И смотря в эти глаза, близнецы которых принесли ей столько боли она начала рассказывать, что помнила сама.

– Я не знаю с чего начать...

– Вам будет проще, если я стану задавать вопросы?

– Думаю, что да...

– Что вы помните о похоронах родителей?

– Я их не помню. Герцог не позволил мне поехать. Сказал что тел не нашли и...

– Но это неправда! Девочка, ты же там была! – вдовствующая герцогиня всплеснула руками.

– Мама, прошу Вас, – Калев укоризненно посмотрел на женщину и она замолчала.

– Хорошо, что вы помните о вашей свадьбе?

Действительно, что она помнила? Почему она раньше не задавала себе подобных вопросов?

– Я помню, как очнулась уже в Истоне. Там были герцог и доктор. Мне сказали, что я упала с лошади и сильно ударились головой, от этого и потеряла память. Врач сказал, что память вернется просто нужно мне больше рассказывать о моей жизни. И его светлость рассказал мне о нашей свадьбе,

о моей семье... Сначала я решила, что он довольно милый человек, хоть и старик, но потом узнала его лучше.

– Он жил с вами как муж?

– Кaleb!

– Мама, мы должны знать все! Ответьте, Ханна.

– Он редко приезжал, только когда ему нужны были подписи в финансовых документах. И когда я пыталась связаться с бабушкой.

– Он бил вас?

– Да...

– Мне очень жаль, – казалось, Кaleb хотел взять ее за руку, но передумал. – А что за финансовые документы вы подписывали?

– О продаже имущества, чтобы закрыть долги отца, так говорил его светлость, я пыталась спрашивать, но "жена должна слушаться своего супруга и во всем ему повиноваться".

– Так он все и провернул, чёртов ублюдок! Не удивлюсь, что он и избил девушку, чтобы она ничего не помнила! Но почему он не убил ее, а держал пленницей?

– Ну, ваш отец часто интересовался финансовым состоянием Лопатиных. Возможно, он надеялся заполучить и его, – казалось, что адвоката вся эта история ничуть не трогала. Он продолжал слушать с холодной внимательностью и говорил сухим деловым тоном. – Ведь мисс осталась единственной наследницей. Но только, старая княгиня подстраховалась, и получить все, мисс могла, лишь явившись, лично в адвокат-

скую контору.

– Скорее всего. Представляю, как разозлился папаша, узнав об этом.

– Он сломал мне руку, – голос Ханна уже не дрожал, как раньше. – Он приехал, чтобы рассказать мне о смерти бабушки, и я думала, что он разозлился из-за того, что я попросила съездить на похороны, но он был уже зол, когда приехал. Теперь я помню.

– Довольно на сегодня! – герцогиня поднялась со стула. – Мне и так теперь будут неделю, снится дурные сны! А бедная девочка, что ей пришлось вынести, какой скандал!

– Конечно, – Калев тоже поднялся и протянул руку Ханне, но она ее проигнорировала и встала сама. – Вы останетесь жить в этом доме. Во всяком случае, пока не утрясется вся ситуация. Мама, – он обратился к Луизе, понизив голос. – Вы должны узнать, насиловал ли он ее.

– Я уже поняла. Как будто мы все не достаточно выстрадали и без этих проблем! Идемте, моя милая. У меня для вас есть замечательная комната. Мой сын построил этот дом всего пару лет назад, и спроектировал его с отменным вкусом.

Дамы ушли, оставив Калеба с жуткой головной болью и ожидающим указаний мистером Карсоном.

Они провели в беседе еще час. И Карсону было велено провести полное расследование всего случившегося. Найти старых слуг, возможных свидетелей.

Спустя этот час Калев поднимался в свою комнату с клочущим чувством ненависти в груди. Он не знал, что сможет ненавидеть отца еще больше, но оказалось что смог. Ханне было шестнадцать лет, когда он решил поиграть ее жизнью, словно она была куклой. Оливии, его младшей сестре, сейчас было столько же, и если бы кто-то причинил ей такую же боль, он бы разгрыз его горло зубами. Но у Ханны не было брата, чтобы ее защитить, никого не было.

Идя по коридору, он стянул с себя шейный платок и пиджак. Весь дом уже давно погрузился в спящую тишину, интересно, его мачеха уже спит? Узнала ли она ответ, на терзающий его вопрос. Конечно, ответ был очевиден, но маленькая надежда все еще теплилась в его душе.

Зайдя в свою комнату, он бросил вещи на пол, и силой захлопнул дверь.

– Будь оно все проклято! – рука взметнулась к волосам. – Почему ты не сдох раньше, освободив весь мир от своей гнили? Сколько еще нужно вытерпеть нашей семье?

– Грэй, милый, что же вы так кричите?

Он резко обернулся на голос. В его постели среди белых шелковых простыней лежала нагая женщина. Ее длинные черные волосы были распущены и закрыли полукружия пышных грудей, когда она села.

– Магдалена, что вы здесь делаете?

– Жду вас, разумеется. Вы бросили меня одну так надолго. Даже не попрощались, и я решила сделать вам сюрприз.

Но пришлось ждать так долго! Вам придется это компенсировать – она откинула одеяло, представ перед ним во всей красе.

– Зря вы не ушли. Я сегодня не в настроении, – изящные ножки опустились на пол, и она быстро пробежала к нему по пушистому ковру. Ловкие горячие руки легли на его грудь, губы покрывали его шею и подбородок быстрыми дразнящими поцелуями.

– Не разочаровывайте меня, Грэй.

– Сейчас вы должны одеться и уехать, я сам навещу вас, когда смогу, – и он ушел в ванную комнату, оставив женщину одну в совершенном изумлении. Его тело отреагировало на ее ласку и ее наготу, но он не мог сейчас расслабиться. В голове кружились мысли непрерывным хороводом. Он чувствовал себя больным и грязным. Горячая вода из крана быстро наполняла ванну.

– Будь все проклято! – его кулак обрушил полку с полотенцами. На пол посыпались какие-то флакончики, разбиваясь о кафельный пол. Мужчина громил и раскидывал все, что попадалось у него на пути. Он знал, что этот грохот перебудит весь дом, но не мог остановиться.

Глава 5

*Франция, Монпелье
Музей Фабра, 1849 год*

Константин Сорель медленно двигался по пустынному двору вдоль высокой стены белого камня, стараясь не разбудить охрану музея. Он получил заказ на кражу одного из самых дорогих полотен, что сейчас выставлялись в Монпелье. На самом деле, украсть его было не сложно, если знать распорядок смены охраны, и пути отхода. Сорель был мастером своего дела, и просчитал все наперед. Сейчас один из охранников, тот, что с усами обойдет музей с левой стороны, не доходя до конца, и повернет обратно, чтобы доложить напарнику, что все в порядке. Хотя, его напарник был еще безалабернее, он никогда и за угол не заворачивал, закуривая дешую папиросу на манер моряков в порту, и ждал возвращения усатого, ковыряя траву носком ботинка.

Сорель действовал мгновенно. Дротик из тонкой трубки бесшумно рассек воздух и вонзился в шею курящего, прошла секунда и тот рухнул без чувств. Вот из-за угла вышел усатый. Увидев своего напарника на земле, он уже собирался свистеть в свисток, висящий на шее, но дротик достал его раньше. Пришлось повозиться, перетаскивая их тела в ближайшие кусты, но эти усилия не были напрасными, если появится дворник, или случайный прохожий, их могут привлечь лежащие на земле люди.

Управившись, Сорель повертел позаимствованную у уса-ча связку ключей, и, подобрав нужный, отпер дверь. В музее было темно и тихо, но его глаза быстро привыкли. По-

лотно, что его интересовало, выставлялось в главном зале на третьем этаже. Это было произведение неизвестного автора, первой половины девятого века. На ней было изображено побоище ангелов и людей. Взгляд просто завораживало изображение ангелов-девушек. Совершенные золотистые тела с огромными белоснежными крыльями ярко выделялись на фоне ало-красных и коричневых мазков. Девушки-ангелы не смотря на свою видимую хрупкость были очень кровожадны. У одной в левой руке свисала оторванная человеческая голова, другая вырвала сердце прямо из груди воина, с которым сражалась. А чуть в стороне за всей картиной наблюдал Люцифер. Божественно прекрасен, с огромными черными крыльями, но будто бы грустный. Пришлось повозиться с рамой, ведь ее необходимо было вскрыть, не повредив реликвию. Константин свернул полотно в трубочку и спрятал в специальный продолговатый ящичек у себя за спиной.

Мужчина ухмыльнулся, его заказчик будет очень доволен.

Сорель уже собирался уходить, когда его взгляд уловил движение в соседнем зале. Ожидая западню, мужчина схватился за револьвер, и поспешил туда, где видел движение. Но в зале времен пятнадцатого века оказалось пусто.

Сорель выдохнул, спрятал свой револьвер и скрылся тем же путем, которым пришел. Нельзя оставлять следов. Выйдя во двор, он вернулся к охранникам, и вынул из них свои дротики.

Убедившись, что его никто не видит, Сорель покинул ме-

сто преступления. У него был час, чтобы добраться до места встречи и передать картину.

Мистер Линд ждал его в темном углу возле рыбного ресторана на набережной. Константин молча протянул ему сверток. В ответ, Линд подтолкнул к нему кожаную сумку с деньгами.

– Благодарю, месье Сорель, – заказчик вынул полотно из кейса, чтобы убедиться в его подлинности. – Замечательная работа.

– Вы весьма щедры. Работа оказалась довольно легкой.

– Эти деньги – страховка. На случай, если вам вдруг захочется кому-то рассказать о том, что вы сделали и для кого.

– Недолго бы я продержался в профессии, если бы распускал свой язык. Всего хорошего, мистер Линд.

Константин развернулся и быстрым шагом направился по набережной к своей квартирке. Весь путь мужчина был настороже, опасаясь преследования, но ночной город был тих и пуст. Его хозяйка уже спала в своей маленькой комнатке на первом этаже, так что он беспрепятственно попал в свою квартиру.

Сореля не покидало чувство, что все прошел очень гладко. Из-за этого все его нервы оставались в напряжении. Линд ему не нравился и он точно не хотел с ним больше встречаться, но что-то подсказывало, что их ожидала еще одна встреча, и возможно весьма скоро.

Инстинкты его не обманули. Убийца появился совсем бес-

шумно, выскользнув из тени кухни, и тонкое длинное лезвие легко вошло в бок вора. Сорель успел только раз дернуться, но из его рта уже побежала струйка черной крови. Вот он конец. Его руки рефлекторно сжались на запястьях убийцы, а глаза встретились с насмехающимся безжалостным взглядом.

– Я решил, что денег может оказаться недостаточно. Не люблю оставлять незаконченные дела.

Если Ханна думала, что этой ночью не сомкнет глаз, она ошибалась. Ей выделили комнату на втором этаже с видом на парк. Как и во всем остальном доме в интерьере преобладал белый цвет, но пару ему составил темно-красный. Комната была небольшая, к ней примыкала просторная гардеробная и личная ванная комната. Небывалая роскошь!

Вчера ночью вдовствующая герцогиня довольно тактично выведала некоторые подробности ее супружеской жизни. И получив не совсем определённый ответ, казалась довольна. После ее ухода девушка легла в кровать, и как только ее голова коснулась подушки, она заснула. И проспала без сновидений до самого утра. Ее разбудила горничная Лиззи, которая принесла завтрак. На девушке было темно-зеленое платье и белый передник, униформа здешних служанок.

– Ох, миледи, вы ещё спите? Хозяин так и думал, потому не велел вас будить. Я принесла завтрак, потом помогу вам принять ванну и одеться.

– Спасибо, Лиззи. И теперь, меня наверно нужно звать просто мисс, я же не герцогиня. И никогда не была ею.

Служанка сочувственно посмотрела на хозяйку.

– Как вы себя чувствуете?

– Странно. Ещё вчера, я была уверена в своей жизни в своем прошлом, а теперь, – она сделала рукой неопределенный жест. – Теперь я словно героиня готического романа.

– Ох, мисс, ну до чего же странная история! Но я уверена, что все будет в порядке, теперь вы в надежных руках. Молодой герцог совсем не похож на своего отца.

– Боюсь, что он похож больше, чем думает. Ведь он тоже теперь считает, что волен распоряжаться моей судьбой.

Ванна оказалась просто волшебным изобретением. В Истоне не было водопровода, и лакеи таскали воду по старинке. А здесь, включил два маленьких краника и медная ванна сама заполняется водой. Лиззи добавила в воду аромамасел, и, вдыхая сладкий запах жасмина, Ханна словно оказалась в весеннем саду. Повсюду росли цветущие кусты, а она смеялась.

Ветерок теребил голубые ленты, удерживающие ее шляпку.

– Ни за что меня не обыграешь, папа! Бадминтон моя любимая игра!

– Еще посмотрим, булочка, я быстро учусь.

Девушка резко открыла глаза. Что это? Воспоминание?

Настоящее оно или нет?

Завтрак она проглотила, фактически не чувствуя вкуса. Лиззи помогла одеть ей розовое платье с белыми лентами под грудью и маленькими бантиками на коротких пышных рукавах, платье было чужое, но подошло ей по размеру.

– Думаю, волосы лучше собрать, – Горничная осторожно провела по длинным густым волосам соболиного цвета, они переливались множеством оттенков от медово-рыжего до темно-каштанового. Ловко заплетя тугую косу, она собрала ее в пучок, заколов шпильками и сверху украсила белой лентой. – Красота готова!

Бросив на свое отражение грустный взгляд, Ханна подошла к окну, не зная чем себя занять. Девушка не знала, позволено ли ей выходить из комнаты, и не решалась рисковать. Годы заточения и страха давали о себе знать. И еще, она надеялась вспомнить, ещё хоть немного о себе. До этого утра с ней такого не бывало.

Калев Грейфсон, напротив, всю ночь не мог сомкнуть глаз. И, когда он утром хмурый как туча, спустился к завтраку, его мачеха кинула на него сочувственный взгляд.

Она уже сидела за столом, что для нее было поистине по-

двигом, ведь она никогда не вставала раньше полудня.

– Смотрю, ты тоже не спал? И я всю ночь не спала, хорошо, хоть девочки еще ничего не знают.

Овсяная каша показалась ему горькой на вкус, и он отодвинул тарелку в сторону.

– Поспишь тут! Вы разговаривали вчера с ней?

Его мачеха намазывала тост клубничным джемом.

– Насколько она помнит, супружеских отношений между ними не было. Хотя, она не может ручаться за то, что было до Истона, – за это он и любил Луизу, она никогда не ходила вокруг да около, переходя сразу к сути. – Поблагодарим за это небеса, ну или раннюю импотенцию твоего отца.

Он подавился глотком кофе, забрызгав коричневой жидкостью скатерть вокруг.

– Мама!

– Можно подумать, что ты никогда не слышал слово импотенция.

– Слышал, и очень надеюсь, что вы не учите подобным словам Аманду и Оливию.

– Эти девочки сами научат тебя такому, что уши свернутся в трубочку.

– Не удивительно, их гувернантка ругается, словно портовый матрос, и курит так же. Зачем я вообще ее нанял?!

Луиза лишь улыбнулась ему из-за чашки.

– Что мы будем делать?

– Об этом я думала всю ночь. Избежать скандала в любом

случае не удастся. Как мы объясним, где была Ханна все это время, и почему появилась сейчас. Найдутся и те, кто вспомнит сплетни десятилетней давности. А если откроется правда, наша семья будет раздавлена. Не смотря, на титул, деньги, влияние. Клеймо насильников и изуверов нам не смыть.

– Знаю я все! Позор, скандал, трусливое бегство. Это наш удел?

– Нет. Если ты на ней женишься.

Теперь на скатерть полетела целая чашка.

– Что?!

– Сам подумай, это выход. Наша семья кашу заварила, нам все и исправлять. Она родовита, по материнской линии ей причитается огромное наследство. Уже не юная барышня, но еще очень молода. Красавица, ты не мог этого не заметить. А давний скандал можно замять, якобы она путешествовала по миру, ну или типа того.

– Вы бредите!

– Отнюдь, мой дорогой. Я просто гений! Кстати, я послала в особняк за вещами. Мы с девочками поживем здесь, пока все не утрясется.

– О! Потрясающе. Значит, мне придется терпеть толпы народу блуждающие по моему дому, а запах табака мисс Мак-Грегор вьется в новую мебель и обои.

– Не забывай про визитеров Аманды! Знала, что ты будешь рад!

Калев решил, что с него хватит завтрака.

– Мне нужно в контору.

– Ты поговоришь с мисс Робишо?

– Я не намерен делать ей предложение, если ты об этом.

Глава 6.

Были дни в прошлом, когда Ханна мечтала, чтобы ее жизнь изменилась, чтобы в ней произошло хоть что-то приятное. И это случилось.

В первый день в доме, она познакомилась поближе с Луизой и ее очаровательными дочерями, Аманде было восемнадцать, Оливии шестнадцать. Они болтали без умолку, смеялись, и в один голос уверяли, что помнят ее. В детстве она учила их играть в бадминтон, но Оливия вечно теряла волан в пруду.

Ханна этого не помнила.

Они покатались в парке в открытом экипаже, сезон ещё не начался, и людей было очень мало. Девушка и забыла как это, просто наслаждаться жизнью и, глядя на юных хохочущих девиц, поневоле заражалась их весельем.

– Только не вздумайте становиться такой же пустоголовой дурочкой как мои дочери, мисс Робишо! – хотя по выражению лица Луизы было видно, что она это не всерьез. – За десять лет вашего отсутствия в обществе много, что изменилось, и я попросила мисс Мак-Грегор позаниматься с вами отдельно. Еще завтра к нам придет модистка. Ваш нынеш-

ний гардероб срочно нужно сжечь!

Мисс Мак-Грегор оказалась совершенно, невероятно! Собственно, подходящих слов, чтобы описать эту женщину Ханна подобрать так и не смогла. Но одно девушка знала точно, она не была похожа ни на одну дуэнью во всем мире. Она появилась в доме ближе к вечеру в сопровождении сундуков с одеждой и горы шляпных коробок, которые принадлежали вдовствующей герцогине и ее дочерям. Она раздавала команды слугам, словно они были солдатами, при этом в ее речи проскакивали такие слова, что пару раз Ханна покраснела. Высокая, худощавая, с лицом землистого цвета и совершенно седыми волосами, зачесанными на макушке в тугой пучок, она расхаживала по дому с тросточкой в руках. Время от времени в ее зубах оказывался мундштук с тонкой белой сигаретой и воздух вокруг тут же начинал пахнуть крепким табаком.

– Чему может научить такая гувернантка? – такой была первая реакция Ханны.

– О! Она просто замечательная! – Аманда раскладывала пасьянс на маленьком столике. – Со своими причудами, конечно, но у кого их нет? Она научит тебя всему, что нужно знать, и даже немного большему, поверь мне!

Герцог вернулся домой как раз в тот момент, когда девочки учили Ханну танцевать быстрый замысловатый танец. Они топали, хлопали и смеялись так, что не сразу заметили, как он вошел в гостиную. Ханна заметила его первая. Муж-

чина стоял, прислонившись к дверному косяку и улыбался, смотря прямо на нее. От этого взгляда она смутилась. Сегодня он был одет в серый пиджак и такие же серые брюки. И казался очень усталым.

– Кaleb! Иди к нам, Ханне нужен партнер! – Оливия уже тянула его за руку, но брат не сдвинулся с места.

– Не сегодня, мисс Робишо, могу я поговорить с вами перед ужином?

– Конечно, – девушка неуверенно взглянула на Луизу, но та и не подумала поднять взгляд от вышивания.

Библиотека отличалась от той, что была в Истоне. Здесь не было ни оленьих рогов, ни огромных кожаных кресел, но здесь было столько книг, что перечитать их все за жизнь было бы просто невозможно. В ней царил какой-то особый дух. Дух сильного мужчины. И пахло здесь по-особому, бумагой, свежим деревом, и цитрусом. В отличие от всего остального дома, стены здесь были обиты черным деревом, мебель была скорее практичной и удобной, и скорее всего, служила хозяйину гораздо дольше, чем та, что обставляла другие комнаты.

Хозяин предложил ей сесть на стул за полированным деревянным столом, а сам сел напротив.

– Как вы?

– Хорошо, спасибо. Ваши мать и сестры очень милы. Мне нравится моя комната, а мисс Мак-Грегор уже занялась моим обучением.

– Рад это слышать. Мой адвокат мистер Карсон уже зани-

мается наследством вашей бабушки, так что в самое ближайшее время вы станете очень богатой женщиной.

– Извините, я не хотела вас стеснять, – Ханна истолковала его слова, как замечание о том, что он не обязан ее содержать и, оттого смущенно потупила взор, заливаясь пунцовой краской. – Когда вопрос с наследством будет решен, я компенсирую все ваши затраты, и уеду как только смогу.

– Я имел в виду вовсе не это. Вы будете оставаться в этом доме под опекой моей семьи столько, сколько понадобится. И вы не должны чувствовать себя обязанной ни мне, ни кому-то другому. Я просто хотел сказать, что рано или поздно, всплывет ваше присутствие в Лондоне и в свете поползут слухи.

– Я не хочу позорить вашу семью, я никому ничего не скажу.

– Мисс Робишо, скандал будет в любом случае, но есть способ сделать его менее скандальным.

Девушка по обыкновению подняла одну бровь, как делала всегда, когда ее что-то заинтересовывало.

– Мы можем сказать частичную правду, что тогда десять лет назад с вами произошел несчастный случай, когда вы возвращались с похорон родителей, и вы потеряли память. Вы не помнили не своих родных, не своего имени. О вас заботилась одна хорошая семья все эти годы, где вас и обнаружил сыщика, нанятый вашей бабушкой много лет назад. Этот человек связался со мной, как с наследником вашего

опекуна, именно поэтому вы теперь живете в моем доме, где к вам потихоньку возвращается память.

– Звучит не плохо.

– Вас что-то смущает?

– Просто, возможно, мне лучше жить так, как я жила все эти годы? Я бы купила маленький домик в деревне.

– Это лишь для того, чтобы вы смогли жить полноценной жизнью в том мире, в котором были рождены. Вам больше не нужно прятаться, и чего-то опасаться. Да, какое-то время вокруг вас будут бурлить слухи, но это лишь пойдет на пользу вашей популярности. К тому же общество всегда относится снисходительнее к красивым и очень богатым молодым женщинам. Так что вы с легкостью найдете себе мужа.

– Я не хочу замуж! – ее ответ прозвучал настолько быстро и громко, что она сама испугалась своего напора. – Простите.

– Прекратите все время извиняться!

– Хорошо.

– А чего вы хотите, Ханна? – взгляд Калеба, казалось, проникал ей в самую душу. Девушка поймала себя на мысли, что совершенно не испытывает страха в его присутствии. Она не была готова к такому его вопросу, но ответ пришел сам собой.

– Я хочу узнать кто я. Что со мной произошло. Пока я не узнаю прошлое, точно не смогу двигаться в будущее.

– Но вы же понимаете, что можете не вспомнить, то, что произошло с вами, до конца своей жизни? За десять лет не

было ни одной вспышки воспоминаний.

Ханна упрямо качнула головой.

– Если за этот год прошлое ко мне не вернется, я попытаюсь жить дальше. Обещаю вам.

Ужин прошел на удивление спокойно, если не считать мисс Мак-Грегор, которая, злоупотребив шотландским виски еще в гостинной, громко похрапывала над супом. Калеба радовало уже то, что не было ее извечной сигареты, заполняющей своим едким запахом весь окружающий воздух. Сестры тихо общались между собой, заговорщицки улыбаясь, что, в общем-то, не сулило ничего хорошего, но мужчина предпочел не обращать на это внимание. Ему хватало проблем и без детских проделок. Мало того, что у него в доме поселилась «проблема» по имени Ханна Робишо, Магдалена выгнала его из своего дома, обидевшись после их последней встречи, да еще владелец судоходной верфи, в очередной раз пересмотрел условия продажи своей компании, внося в договор новые пункты, невыгодные для Грейфсонов.

В отличие от подавляющего большинства английских аристократов, Калев не стыдился работать. Он вел бизнес, вкладывая не малые деньги в судоходное строительство и морские перевозки. Еще, будучи мальчишками, сразу после университета, они с Кевином вложили все свои деньги, что по-

лучили по достижении совершеннолетия, в маленькую паровозную компанию. И всего за пару лет сколотили состояние. Они скупали мелкие компании, расширяли поле деятельности, и сейчас их заводы и филиалы находились не только в Англии, Шотландии, Индии и Италии, но и в Америке. Но все это они делали втайне от отца.

Питер Грейфсон был человеком жестоким, жадным, алчным. Он проиграл практически все семейное состояние в карты, а то, что было в майорате наследования, запустил до непригодного состояния. Поместья стояли в запустении, хозяйства загнивали, а дома разваливались от старости. Подобная участь, к счастью, не постигла Грейфпарк, в котором герцог никогда не появлялся, а так же Шотландское поместье, которое являлось наследством Кевина. Все, что мог, Калев после вступления в наследство продал, не желая оставлять память об отце. К тому же, он давно успел обзавестись достаточным количеством собственности, которую сможет передать своим детям.

Высший свет, разумеется, не знал обо всем этом. На людях его отец всегда был предельно мил, обходителен, живой пример достойного носителя титула. И только в семье знали его настоящее лицо.

Луизу старый герцог никогда не трогал, боялся мести четырех ее братьев, но вот сыновей не щадил. Где не действовали угрозы, в ход шли кулаки или плеть. Когда Кевину было пятнадцать, он взял без спроса отцовского коня, и тот пора-

нил ногу и захромал. Кaleb был старше на год и взял вино на себя, потому что знал, отец будет в ярости. Его спину до сих пор покрывали глубокие белые шрамы от лошадиной плетки, которой отец избил его. После чего избил еще и Кевина, в назидание.

– Вы хотели обмануть меня? Думали, что я не знаю, кто на самом деле испортил лошадь? Но раз уж вы такие дружные, то и получите оба, – избив детей, он вытащил их во двор и на их глазах пристрелил бедного коня.

В тот вечер Луиза собрала детей и уехала из дома мужа к своему брату.

Чтобы не выносить сор из избы на людях они продолжали появляться вместе, но в дом мужа она так и не вернулась. Герцог несколько раз приезжал в школу к мальчикам, угрозами пытаясь заставить их поехать с ним. Похищал девочек, требуя денег за их возвращение, но зятя, знавшие о нем всю правду, возвращали их обратно.

А потом все прекратилось, у него вдруг появились деньги, и он снова зажил на широкую ногу, играя на публику гордого, любящего отца и мужа.

И теперь Кaleb знал, что произошло. Откуда этот человек взял средства.

Зная, на что способен отец, он понимал, что Ханне повезло. Она была жива, относительно невредима, а могло быть все хуже, все гораздо хуже.

Он посмотрел на девушку. Она ела с большим аппетитом,

бледно-зелёное платье подчеркивало ее загорелую кожу, а собранные назад волосы, как и в вечер, их знакомства, пылали в свете свечей.

– Очень надеюсь, что до начала сезона этот кошмарный загар сойдёт с вашей чудесной кожи! – его мачеха была не права. Калёб совершенно точно считал, что эта кожа должна оставаться золотистой. Было бы чудесно провести по ней языком, попробовать на вкус...

Чертова Магдалена! Если бы она его не выгнала, сейчас он бы не пялился на мисс Робишо, как голодный волк на ягненка.

– Что-то ты совсем притих, дорогой.

– Сегодня был тяжёлый день. Кстати! Я получил письмо от Кевина, он возвращается в Англию.

– Что?

– Когда?

– И ты молчал?

Вопросы посыпались на него с разных сторон, так что даже мисс Мак-Грегор резко вздрогнула и проснулась.

– Дамы, так кричать за столом просто не прилично! Где ваши манеры, – при этом из многочисленных складок в платье она выудила свой мундштук, не прошло и полминуты как ее заволокло облачко сизого дыма.

– Ага! Спать за столом как будто прилично! – Оливия сказала это очень тихо, но все услышали.

– Я все слышу, деточка, если бы вам было столько лет,

сколько мне вы бы тоже могли делать, что вздумается, а пока, – ее командный голос прервался сухим кашлем и никто не узнал, что же она хотела сказать.

– Мисс Мак-Грегор, вы можете не курить хотя бы в столовой? – Кaleb слегка развеселился, этот разговор происходил у них не в первый раз.

– Вы лишаете меня последнего удовольствия в жизни! – она с сожалением затушила сигарету в подставленную лаке-ем пепельницу.

– А вы лишаете нас возможности дышать!

– Кaleb, милый, ты не закончил свой рассказ, – герцогиня снова привлекла внимание сына. – Когда возвращается Кевин?

– Думаю, что через пару недель его корабль причалит. Судно, на котором доставили письмо, слегка задержалось из-за шторма.

– Кевин это ваш брат? – Ханна впервые подала голос за вечер.

– Да, милая, он на год младше Калеба, ему сейчас двадцать семь. Хотя, они похожи как близнецы, за исключением цвета глаз. Я уверена, он вам понравится, во всяком случае, он не такой мрачный и грубый как Кaleb.

– Вы же в курсе, что я вас слышу? – герцог задумчиво покрутил хрустальный бокал.

– Критика всегда полезна.

– Что бы я без вас делал, – его взгляд снова устремился

к Ханне и встретился с ее смеющимися глазами. И от этого взгляда в животе у него что-то шевельнулось.

Позже ночью, он все время вспоминал ее смех, большие синие глаза, чуть вздернутый носик. Ему определенно нужна была женщина, нужно завтра послать Магдалене драгоценности, женщины всегда прощают обиду, если в качестве извинения им преподносишь рубины. Он засиделся в библиотеке допоздна, просматривая бумаги компании, и теперь пробирался по пустому спящему дому. Проходя мимо одной из спален второго этажа, он услышал странный звук, очень сильно напоминающий... Но нет! Она бы не стала.

Недолго думая, он распахнул дверь.

Ханна испугано подняла на него глаза. Она сидела на пушистом ковре, поджав под себя ноги, а рядом с ней сидело нечто огромное, лохматое и абсолютно грязное, капая слюной на пол. При виде незваного гостя, щенок заскулил и прижал голову к коленям девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.